

Илья Поволжский

Северное Наследие

Илья Поволжский

Северное Наследие

<https://litres.ru/73563402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир без магии. Три народа: северяне, имперцы и мирные торговцы Гоаллы. Вековая война, которая жрёт жизни и не приносит мира.

Меркул семнадцатилетний парень из глухой северной деревни. Он потерял отца на войне, растит младшего брата, слушает рассказы старого деда-воина. Ему не нужны чудеса только сила рук и острота ума. Он мечтает вступить в дружину и раз и навсегда покончить с Империей.

Но на пути к цели он понимает: мечом врага не сломить. Империя держится на страхе, золоте и слепой вере. Чтобы разрушить её, нужно найти трещину изнутри. И Меркул начинает опасную игру ту, где ставка выше, чем его собственная жизнь.

Ради мира, в котором его брат не узнает ужасов войны. Ради девушки с зелёными глазами, что ждёт у околицы. Ради всех, кто верит, что человек может быть человеком.

Содержание

Глава 1. Дед, Меркул и Яр	4
Глава 2. Рада	8
Глава 3. Наконечники	13
Глава 4. Последний день	19
Глава 5. Дорога и крепость	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Илья Поволжский

Северное Наследие

Глава 1. Дед, Меркул и Яр

Деревня стояла на отшибе, там, где северные леса редели, переходя в холмы, поросшие жёсткой травой. До ближайшего города — три дня пути, если идти ходко, а до границы с Империей — и того меньше. Здесь, на краю земли Северян, война была не громом с неба, а тихим соседом: то дым на горизонте, то беженцы на околице, то весть, что чей-то муж не вернулся с заставы.

Меркул родился в этой глуши. Отец ушёл на войну, когда Меркул был ещё мал, и не вернулся. Мать умерла, когда появился на свет Яр. Бабка, что подняла обоих, слегла, как только младший научился твёрдо стоять на ногах. Так и остались бы они вдвоём, если бы не Дед.

Дед не был им родным по крови. Просто старик, живший на краю деревни, у самого леса. Говорили, он когда-то ходил в дружине, был при воеводе, многое видел. Потом ушёл, поселился здесь, знался с травами, с охотой, с плотницким делом. Когда бабка умерла, Дед просто пришёл, забрал Меркула с Ярмом к себе и сказал: «Живите».

Меркул помнил тот день смутно. Ему было десять, Яру —

три. Дед тогда положил широкую ладонь ему на макушку и проговорил хрипло:

— Горе не спрашивает, когда приходит. Ты теперь за него в ответе. Справишься?

Меркул справился.

Сейчас ему шёл семнадцатый. Роста он был невысокого — всего на вершок выше Деда, а Дед давно ссохся и сгорбился. Но в плечах Меркул раздался, руки налились силой от топора, от ведра с водой, от долгих тренировок на заднем дворе. Он бил самодельным мечом по старому пню, пока искры из глаз не сыпались. Бегал по холмам, пока лёгкие не начинали гореть. И думал.

Дед часто поглядывал на него и хмыкал.

— Мечом махать любой дурак научится, — говорил он, сидя на завалинке и строгая лучинку. — А ты головой думай. Сила есть — ума не надо, это для скотины. А для воина надо и то, и другое.

Меркул слушал. Он вообще слушал Деда жадно, впитывал каждое слово, каждую историю про старые походы, про повадки имперцев, про то, как один умный человек может перехитрить сотню глупых. Дед знал много. Иногда Меркулу казалось, что старик знает всё на свете.

Яр, мелкий шестилетний вихрь, вечно крутился под ногами. Светлые волосёнки торчат во все стороны, серые глаза — точь-в-точь как у Меркула — горят любопытством. Он таскал из леса жуков, приносил в подоле щенят, которых тут

же выгоняла дворовая собака, и донимал Деда вопросами.

— Дед, а почему трава зелёная?

— Дед, а куда солнце ночью уходит?

— Дед, а имперцы злые или просто не знают наших песен?

На последний вопрос Дед ответил не сразу. Помолчал, поправил шапку, глянул куда-то вдаль.

— Они такие же люди, Яр. У них тоже матери, дети, дома. Только верят в других богов и хотят того, что у нас есть. А люди, когда хотят чужого, становятся злыми.

Меркул запомнил этот ответ.

Вечером того же дня он стоял на крыльце и смотрел, как солнце уходит за холмы, окрашивая небо в багровый. Дед подошёл неслышно, остановился рядом.

— Думаешь?

— Думаю, — Меркул не обернулся. — Сколько можно терпеть? Опять обоз сожгли на прошлой неделе. Опять людей угнали.

— Война, — коротко ответил Дед.

— А если её закончить?

Дед хмыкнул.

— Многие хотели. Даже великие князья. А она всё не кончается.

— Значит, плохо хотели, — Меркул сжал кулаки. — Я пойду в дружину, Дед. Весной.

Старик молчал долго. Потом положил руку ему на плечо — тяжёлую, узловатую, тёплую.

— Пойдёшь. Но сперва дослушай, что я тебе расскажу. Про Империю. Про то, как она устроена. Про слабые места. Про то, что мечом крепость не возьмёшь, если внутри не будет трещины.

Меркул обернулся. В глазах Деда, выцветших за многие годы, горел тот же огонь, что и у него самого.

— Иди за мной, — сказал старик и направился в дом, где на полке под образами лежала старая, потёртая карта, которую он никому не показывал.

Яр уже спал, свернувшись калачиком на лавке, укрытый тулупом. Меркул на миг задержал взгляд на брате — маленьком, беззащитном, доверчиво сопящем во сне. И в этот момент он понял окончательно: ради этого сна, ради того, чтобы Яр никогда не узнал ужасов войны, он готов на всё.

Дед развернул карту на столе, чиркнул кресалом, зажёл лучину.

— Смотри сюда, парень. Вот наша земля. А вот — Империя. Империя велика, но в ней есть одна хворь...

Меркул склонился над жёлтым пергаментом, и в тусклом свете огня ему показалось, что он видит не просто линии и названия, а будущее. Своё будущее.

А наутро Дед отправил его к кузнецу.

— Ступай к Огнедару, — сказал старик, когда Меркул вышел во двор умываться. — Наконечники для стрел закажи. Десяток добрых. В дружину без снаряжения не берут.

Глава 2. Рада

Кузница Огнедара стояла на отшибе, у самого оврага, чтобы пожар, если что, на деревню не перекинулся. Ещё издали Меркул услышал звон — ровный, тяжёлый, как сердцебиение великана. Подойдя ближе, увидел и самого кузнеца: широченный, в кожаном фартуке, он стоял у горна, и оранжевые отсветы плясали на его лице, делая его похожим на одного из подземных духов, о которых рассказывал Дед.

Но Меркул замер не из-за Огнедара.

Рядом с горном, раздувая мехи, сидела девушка. На ней был простой шерстяной сарафан, поверх — старенький, залатанный на локтях зипун. Тёмные волосы выбивались из-под платка и падали на лоб, а она то и дело сдвигала их, сердито морща нос. Щёки покраснелись от жара, на лбу выступила влага, но мехи она раздувала ровно, без усталости.

Глаза у неё оказались зелёные. Яркие, как молодая трава после дождя. Меркул поймал себя на том, что смотрит и не может отвести взгляд.

Девушка подняла голову, заметила его и на миг замерла. Потом улыбнулась — чуть смущённо, чуть вопросительно.

— Ты к тятке? — голос у неё оказался низковатый, спокойный.

Меркул спохватился, кашлянул в кулак.

— К Огнедару. По делу.

Девушка кивнула и обернулась к отцу:

— Тять, тут парень пришёл.

Огнедар отложил молот, вытер лоснящийся лоб тыльной стороной ладони и глянул на Меркула тяжёлым взглядом.

— А, Меркул, дедов воспитанник. Чего надо?

Меркул шагнул ближе, стараясь не смотреть больше на девушку, но краем глаза всё равно видел, как она поправляет платок, как мехи в её руках ходят ходко и ловко.

— Наконечники нужны. Десяток. Добрые, — добавил он, вспомнив наказ Деда.

— Добрые, — усмехнулся кузнец. — А деньги у тебя добрые есть?

— Отработаю, — твёрдо ответил Меркул.

Огнедар оглядел его с ног до головы. Взгляд мастера — цепкий, прикидывающий, сколько в парне силы и сколько проку.

— Ладно. Через три дня приходи. К вечеру будут. А сейчас... — он махнул рукой в сторону двора. — Вон там дрова неколотые. Помоги до вечера управиться, тогда и сочтёмся.

Меркул кивнул и вышел во двор. Дров и правда было много — целая гора берёзовых чурбаков, и колун торчал рядом, в чурбаке.

Он скинул полушубок, взялся за колун. Работа пошла споро — за зиму он навывкся махать топором не хуже, чем мечом. Чурбаки раскалывались с сухим треском, щепки летели во все стороны. Меркул думал о своём: о дружине, о том,

что скоро всё изменится, о словах Деда про трещину внутри Империи. И ещё — о зелёных глазах, которые никак не шли из головы, хоть ты тресни.

Солнце поднялось выше, пригрело спину. Меркул уже забыл про девушку, уйдя в работу, когда услышал за спиной шаги.

— Испей, — сказал тот же низковатый голос.

Она стояла с деревянным ковшом в руках. Вода в ковше была холодная, с лёгким привкусом мяты.

Меркул взял ковш, напился жадно, не останавливаясь. Краем глаза увидел, что она стоит рядом и смотрит на него.

— Ты Меркул, да? — спросила она, когда он вернул ковш.

— Ага.

— А я Рада. Тятка говорит, ты в дружину собрался.

Меркул кивнул, вытирая губы рукавом.

— Собрался.

— Страшно?

Он поднял глаза. В её зелёных глазах не было насмешки, только любопытство. И ещё что-то, чему он не сразу нашёл название.

— Не знаю, — честно ответил Меркул. — Ещё не было.

— А я бы побоялась, — Рада повела плечом. — Там же убивают.

— Везде убивают, — сказал Меркул и вдруг подумал о Яре. — Только дома — по одному, а там — сразу много.

Рада помолчала, потом улыбнулась — тепло, открыто.

— Ты странный. Но хороший, видно. Возвращайся живым, ладно?

Она развернулась и ушла в кузницу, оставив Меркула стоять с колуном в руке и смотреть ей вслед.

Дрова он доколол уже к вечеру. Когда уходил, Огнедар крикнул вдогонку, что наконечники будут готовы послезавтра к полудню. Меркул кивнул и зашагал к дому, а в голове всё крутилось: «Возвращайся живым, ладно?»

Дед, когда Меркул вернулся, сидел на завалинке и чинил рыболовную сеть. Яр возился в траве рядом, пытаясь поймать кузнечика.

— Ну что, взял? — спросил Дед, не поднимая головы.

— Дрова колот. Сказал, послезавтра будут.

— Дрова, значит, — Дед хмыкнул. — Огнедар умеет работёнку найти. А дочку его видел?

Меркул запнулся на миг, но Дед, хоть и старый, а глаз имел острый.

— Видел, — буркнул Меркул и пошёл в дом.

Дед хмыкнул ещё раз, но ничего не сказал. Только поглядел вслед и покачал головой.

Ночью Меркул долго ворочался на лавке. Рядом сопел Яр, за стеной покашливал Дед, а перед глазами всё стояли зелёные глаза и тихий голос: «Возвращайся живым».

Он зажмурился и приказал себе не думать о глупостях. Скоро в дружину. Скоро война. Не до девок сейчас.

Но не думать — не получалось.

А ещё он думал о том, что сказал Дед: «Мечом крепость не возьмёшь, если внутри не будет трещины». И вдруг понял: война — она ведь тоже не снаружи. Она внутри людей сначала. Сначала люди позволяют себе поверить, что враг — не человек, что его можно убивать без счёта, что чужая боль — не боль. А потом уже приходят с мечами.

Может, поэтому Дед учил его не только мечом махать? Может, поэтому говорил: «Головой думай»?

Меркул повернулся на бок, глянул на Яра. Мелкий спал, раскинув руки, и во сне улыбался чему-то своему, детскому.

«Ради тебя, — подумал Меркул. — Ради тебя и таких, как ты, чтобы вы не знали, что такое враг и что такое чужая боль».

Он закрыл глаза и провалился в сон без сновидений.

Глава 3. Наконечники

Через два дня Меркул снова стоял у кузницы. Утро выдалось пасмурное, небо затянуло серой ватой, и ветер тянул с севера, обещая скорые заморозки. Меркул поёжился в полушубке, поправил за спиной пустой колчан и шагнул во двор.

Огнедар уже работал. Молот звенел по наковальне, высекая искры, и воздух пах железом и гарью. Увидев Меркула, кузнец кивнул на лавку у стены:

— Садись. Сейчас доделаю.

Меркул присел, но тут же встал — из кузницы вышла Рада. На этот раз без платка, волосы стянуты простым шнурком, на щеке — чёрная полоса от угля. Она несла ведро с водой, тяжёлое, и Меркул шагнул навстречу сам не зная зачем.

— Давай помогу.

Рада подняла на него глаза, улыбнулась краешком губ:

— Самому-то не тяжело будет? Ты вон какой... — она окинула его взглядом, но без насмешки, скорее с любопытством. — Невысокий, а жилистый, видать.

— Дед говорит, сила не в росте, а в стержне, — ответил Меркул, забирая ведро. — Куда нести?

— Да тут, в кузницу, — Рада пошла следом, и Меркул почувствовал спиной её взгляд.

Он поставил ведро у горна, выпрямился и только тогда понял, что Огнедар смотрит на них обоих и усмехается в про-

копчённые усы.

— Добрый парень растёт, — сказал кузнец, откладывая молот. — Дедову науку впитал. Дед-то у вас... — он покачал головой. — Мудрый старик. Я его ещё молодым помню, когда он в дружине ходил. Не всякий воевода столько знал, сколько он.

Меркул слушал и чувствовал, как Рада стоит рядом, совсем близко. От неё пахло углём и ещё чем-то тёплым, домашним, от чего щемило в груди.

— Держи, — Огнедар протянул ему связку наконечников, перетянутую сыромятным ремешком. — Десяток. Лучше не найдёшь во всей округе.

Меркул взял, повертел в руках. Тяжёлые, кованые, с хищным остриём — такие и кольчугу пробьют, если рука твёрдая.

— Спасибо, Огнедар. Сколько должен?

— Да ладно, — махнул рукой кузнец. — Дед твой мне в прошлом годе помог, когда телега сломалась. Сочтёмся. Ты лучше... — он помялся, глянул на дочь, потом снова на Меркула. — Ты береги себя там. В дружине всякое бывает.

— Сберегу, — коротко ответил Меркул.

Он уже собрался уходить, когда Рада вдруг окликнула его: — Меркул!

Он обернулся. Она стояла на пороге кузницы, тёмные волосы трепал ветер, а зелёные глаза смотрели прямо и открыто.

— Ты заходи, если что, — сказала она негромко. — Мы тут всегда.

Меркул кивнул и зашагал прочь, сжимая в руке наконецники, и чувствовал, как в груди разрастается что-то тёплое и тревожное одновременно.

Дома его ждал Яр. Мелкий сидел на крыльце, нахохлившись, как воробей, и грыз сухую корочку.

— Ну чё, Меркул, — спросил он серьёзно, по-взрослому. — Ты когда уходишь?

Меркул присел рядом, взъерошил брату волосы.

— Скоро, Яр. Дней через несколько.

— А я?

— А ты с Дедом останешься. Он тебя травам учить будет, помнишь?

Яр шмыгнул носом и отвернулся.

— Не хочу травам. Хочу с тобой.

— Нельзя, — Меркул вздохнул. — Ты ещё маленький. Подрастёшь — тогда, может, и сам в дружину запросишься.

— Не запрошусь, — буркнул Яр. — Я лучше лечить буду. Как Дед говорит: война калечит, а лекарь мирит.

Меркул улыбнулся — вышло грустно.

— Умный ты, Яр. В деда пошёл.

— А ты в кого?

Меркул задумался. В отца? Он отца почти не помнил. В мать? Мать умерла, когда Яр родился, он её тоже толком не знал.

— Не знаю, — признался он честно. — Наверное, сам по себе.

Из дома вышел Дед, остановился, глядя на них. В руках у него была та самая карта, которую он показывал Меркулу в первый вечер.

— Идите в дом, — сказал старик. — Разговор есть.

Они сидели за столом, горела лучина, и Дед водил пальцем по пожелтевшему пергаменту.

— Вот здесь, — говорил он, — Империя. С виду крепкая, как скала. Но я тебе скажу, Меркул: нет такой скалы, в которой не было бы трещины. Империя держится на трёх китах: на страхе, на золоте и на вере в своих богов.

Яр слушал, раскрыв рот, забыв про свою корочку.

— Страх — это их главное оружие, — продолжал Дед. — Они держат людей в узде, потому что люди боятся. Боятся наказания, боятся остаться без куска хлеба, боятся за своих детей. Пока люди боятся — Империя стоит.

— А если страх убрать? — спросил Меркул.

— Тогда рухнет, — Дед усмехнулся в бороду. — Но страх убирают не мечом. Мечом его только прибавляют. Страх убирают... — он постучал пальцем по столу. — Правдой. И надеждой.

Меркул молчал, впитывая каждое слово.

— Золото — это второй кит. У них много денег, они могут купить кого угодно. Но деньги — они как вода: сегодня есть, завтра нет. Если перекрыть поток, если заставить их тратить

больше, чем они получают...

— Они ослабнут, — понял Меркул.

— Ослабнут, — кивнул Дед. — А когда ослабнут, тут и третий кит всплывёт: вера. Имперцы верят, что их боги дали им право владеть миром. Но если мир начнёт от них ускользать, если боги не помогут... во что они тогда поверят?

Яр вдруг подал голос:

— А наши боги помогают?

Дед поглядел на него долгим взглядом.

— Наши боги, Яр, не за нас воюют. Они нам силу дают, чтобы мы сами за себя воевали. В этом и разница.

Меркул смотрел на карту и видел не просто линии — он видел будущее. Смутное, опасное, но своё.

— Дед, — спросил он тихо, — а ты откуда всё это знаешь?

Старик помолчал, потом ответил:

— Жил долго. И видел много. И ошибок наделал немало.

Ты, Меркул, учись на моих ошибках, а не на своих. Свои — они больно бьют.

Он встал, прошёл к печи, помешал угли.

— Иди спать. Завтра последние сборы. А послезавтра — в путь.

Меркул поднялся, взял Яра на руки — мелкий уже клевал носом — и пошёл к лавке.

— Дед, — окликнул он уже от двери.

— Ась?

— А трещину в Империи... я найду?

Дед усмехнулся в темноте:

— Ты сначала в дружину попади, парень. А трещины...
они сами найдут того, кто ищет.

Глава 4. Последний день

Утро следующего дня встретило Меркула ледяным туманом. Он выполз из-под тулупа, когда Дед уже возился у печи, а Яр ещё спал, свернувшись калачиком и причмокивая во сне.

— Садись есть, — буркнул Дед, не оборачиваясь. — Дорога долгая, силы понадобятся.

Меркул сел за стол, взял ломоть хлеба, отхлебнул тёплого взвара из трав. В доме пахло сушёными грибами и покоем. Тем покоем, который через день-другой останется только в памяти.

— Дед, — начал он, но старик перебил:

— Знаю. Не учи учёного. Всё, что надо, я тебе сказал. Остальное сам набьёшь — шишками да кровью.

Меркул промолчал. Дед всегда так: когда тревожится, становится резким. Это он понял давно.

— Топор возьми, — добавил старик, ставя перед ним миску с кашей. — Не тот, которым дрова колешь, а дедов, боевой. Он лёгкий, но в руке сидит ладно. И нож не забудь, что я тебе справил.

— Помню.

Завтракали молча. За стеной запел первый петух, туман за окном начал редеть. Яр заворочался, сел на лавке, протирая глаза кулаками.

— Уходишь? — спросил он тихо, глядя на Меркула.

— Сегодня ещё здесь, — ответил Меркул. — Завтра чуть свет.

Яр сполз с лавки, подошёл, прижался к брату. Маленький, тёплый, пахнувший сном и детством.

— Ты вернёшься, да?

Меркул прижал его к себе, зарылся лицом в светлые вихры.

— Вернись, Яр. Обязательно вернись. Ты тут Деда слушайся, травы учи. А когда я приду, ты мне покажешь, чему научился. Лады?

Яр шмыгнул носом и кивнул.

Дед смотрел на них и молчал. Только в глазах у него, выцветших, старых, блестело что-то такое, отчего Меркул отвернулся. Не любил он этих прощаний.

Днём он пошёл по деревне. Надо было попрощаться с теми, кто его знал, кто помнил отца, кто словом добрым проводит. Зашёл к соседям, к старосте, к старому Оленю, что учил его стрелять из лука, когда Меркулу было двенадцать.

А под вечер ноги сами принесли к кузнице.

Огнедар ещё работал, но, увидев Меркула, отложил молот и кивнул на дверь:

— Проходи. Рада там, во дворе.

Меркул обогнул кузницу и увидел её. Рада сидела на чурбаке, чистила лук — резала перья, прилаживала к древку. Увидела его, и лицо её осветилось той самой улыбкой — тёп-

лой, открытой, от которой у Меркула внутри всё переворачивалось.

— Пришёл, — сказала она просто.

— Пришёл, — ответил он. — Завтра ухожу.

Рада кивнула, словно ждала этих слов. Отложила лук, встала, отряхнула подол.

— Я знала. Тятка говорил.

Они стояли друг напротив друга, и Меркул вдруг понял, что не знает, что сказать. Все слова, которые он готовил в дороге, куда-то исчезли.

— Ты это... — начал он и запнулся.

— Чего? — Рада глядела на него снизу вверх (она была ниже почти на голову), и в зелёных глазах плясали отблески заката.

— Береги себя, — выдохнул Меркул.

Она улыбнулась — чуть грустно, чуть насмешливо.

— Это ты береги себя. Там, куда идёшь, страшнее, чем здесь.

Меркул кивнул. Помолчали.

— На, — Рада вдруг сунула ему что-то тёплое. Он разжал кулак — на ладони лежал небольшой оберег, сплетённый из сухой травы и ниток.

— Это полынь с зверобоем, — сказала она. — От дурного глаза и от хвори. Мать учила делать, когда жива была. Возьми.

Меркул сжал оберег в кулаке. Горло перехватило.

— Спасибо, Рада.

— Заходи, как вернёшься, — сказала она. — Я тут всегда.

Она повернулась и ушла в кузницу, и Меркул смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась.

А потом побрёл домой, и в груди было тепло, несмотря на холодный вечер.

Ночью он не спал. Лежал на лавке, слушал, как дышит Яр, как ворочается Дед, как скребётся за стеноймышь. Думал о том, что ждёт впереди. О том, что сказал Дед про Империю и про трещины. О том, что он, Меркул, простой парень из глухой деревни, должен что-то изменить.

А ещё думал о зелёных глазах и о том, как странно: нашёл человека перед самым уходом. Может, затем и находит, чтобы было к кому возвращаться?

Под утро он задремал. И приснилось ему, что идёт он по бескрайнему полю, а над головой — чистое небо, и нет войны, и Яр бегаёт по траве босиком, и Рада смеётся где-то рядом.

Хороший был сон.

На рассвете Меркул встал, умылся ледяной водой, надел чистое бельё, поверх — кожаный доспех, который Дед выменял у проезжего купца три года назад. Заткнул за пояс нож, повесил на плечо лук, взял топор.

Дед стоял на крыльце, опираясь на клюку. Яр жался к нему, кутая нос в тулуп.

— Ну, с Богом, — сказал Дед. — Помни: сила есть —

хорошо. Ум есть — лучше. А вместе — непобедим.

Меркул подошёл, обнял старика, прижал к себе. Дед был сухой, жилистый, пахнувший дымом и травами.

— Спасибо тебе за всё, Дед.

— Иди уже, — буркнул старик, но голос дрогнул.

Меркул присел перед Ярм, заглянул в серьёзные глаза брата.

— Ты теперь за главного, Яр. Деда береги. И себя.

Яр кинулся ему на шею, повис, засопел в плечо.

— Возвращайся, Меркул. Обещай.

— Обещаю.

Меркул оторвал его от себя, встал, поправил лук и зашагал по тропинке, ведущей из деревни. Обернулся только раз — Дед и Яр стояли на крыльце, маленькие, родные, и махали ему вслед.

Он махнул в ответ и пошёл дальше.

Впереди была дорога.

Глава 5. Дорога и крепость

Дорога вилась между холмами, то ныряя в редкие перелески, то выбегая на открытые пространства, где ветер гулял вовсю, продувая до костей. Меркул шёл уже четвёртый час, и ноги начинали гудеть. За спиной — мешок с припасами, на поясе — нож и топор, лук за плечом. Дед настрогал ему сухарей, вяленого мяса, луковиц — с неделю продержаться можно.

К полудню он догнал обоз. Три подводы, гружёные мешками, тащились по разбитой дороге, и возчики — мужики угрюмые, заросшие щетиной — косились на парня с оружием.

— Куды прёшься, малец? — спросил один, когда Меркул поравнялся с крайней телегой.

— В дружину, — коротко ответил Меркул.

Мужик хмыкнул, сплюнул под колёса.

— Молод ещё. Там таких щенков быстро обламывают.

Меркул не ответил. Прибавил шагу, обогнал обоз и снова зашагал один.

К вечеру вдали показались стены. Невысокие, бревенчатые, с парой дозорных вышек по углам — пограничная крепость, где держали постоянную дружину. Над воротами — выцветший стяг с родовым знаком князя Северян.

У ворот стояли двое стражников. Увидев Меркула, лениво

переглянулись.

— Ты кто такой?

— Меркул, сын Воислава. Из деревни Залесье. Пришёл в дружину.

Один стражник — молодой, с хитрой рожей — усмехнулся:

— Сын Воислава? Это который под Империей лёг лет пять назад?

— Семь, — поправил Меркул спокойно.

Стражники переглянулись уже по-другому. Хитрый при-
свистнул.

— Ну, проходи. К десятнику Стояну ступай, он новичков определяет.

Внутри крепость оказалась больше, чем думал Меркул. Несколько десятков изб, конюшни, кузница, длинный бревенчатый дом — видимо, казарма. Везде сновали люди: кто-то таскал дрова, кто-то чистил лошадей, у колодца бабы полоскали бельё. Пахло навозом, дымом и ещё чем-то кислым — то ли щами, то ли потом.

Меркул отыскал избу десятника. Постучал.

— Войди!

Внутри за столом сидел мужик лет сорока, широкий в кости, с рубленным шрамом через всю щёку. Перед ним стояла кружка с квасом, и он лениво грыз сухарь.

— Ну?

— Десятник Стоян? Я Меркул, из Залесья. Пришёл в дру-

жину.

Стоян окинул его взглядом — цепким, оценивающим.

— Сколько лет?

— Семнадцатый.

— Ростом не вышел, — равнодушно заметил десятник. —

Мечом владеешь?

— Учился.

— Чему учился? — Стоян отложил сухарь. — Ты мне тут не рассказывай, а покажи. Завтра на плацу посмотрим. А пока... — он махнул рукой в сторону окна. — Видишь вон ту кучу дров? Надо перетаскать к кухне, пока не стемнело. Живо.

Меркул кивнул и вышел.

Дров было много. Очень много. Он таскал брёвна, складывал в поленницу, и думал о том, что Дед был прав: в дружине начинают не с меча, а с топора. Или с дров.

К ужину он едва держался на ногах. Руки гудели, спина ныла, но внутри было странное удовлетворение: не сломался, сделал.

В казарме его встретили настороженно. Парни — кто чуть старше, кто ровесники — сидели на лавках, чистили оружие, перебрасывались шутками. На Меркула косились, но никто не окликнул. Сам он сел у дверей, достал из мешка сухарь, принялся жевать.

— Эй, новенький!

Меркул поднял голову. К нему подошёл парень, светлого-

лосый, широкоплечий, с добродушной улыбкой.

— Я Святослав. Можно просто Свят. Ты откуда?

— Из Залесья.

— А, глушь. — Свят присел рядом. — Не бойся, здесь нормально. Стоян злой только с виду. А если работу сделал — и уважит. Завтра на плацу покажешь себя?

— Покажу, — Меркул пожал плечами.

— Ты с мечом как?

— Дед учил. И топором.

Свят хмыкнул:

— Топором у нас многие умеют. А вот мечом... Ладно, завтра увидим. Ты это... держись. Первый день всегда тяжело.

Меркул кивнул и впервые за весь день чуть улыбнулся.

Ночью он лежал на нарах и смотрел в потолок. Рядом храпели, кто-то ворочался, скрипели доски. Мысли были о доме: как там Дед, как Яр, как Рада. Он достал из-за пазухи оберег, который дала Рада, сжал в кулаке.

«Вернусь», — подумал он. — «Обязательно вернусь».

А потом вспомнил слова Деда про трещины в Империи и про то, что мечом страх не убрать. И подумал: может, всё, что он здесь пройдёт, — это и есть путь к той самой трещине?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.